

## ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО И УРБАНИСТИКА

Научная статья

УДК/UDC 712.3-168:378

DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-218-236

**Эстетизация как подход к реабилитации  
депрессивного ландшафта****Анастасия Владимировна Пискарева<sup>1✉</sup>, Вера Александровна Павлова<sup>2</sup>**<sup>1,2</sup>Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия<sup>1</sup>nastya\_pisk@mail.ru, <sup>2</sup>pavlova\_marhi@mail.ru

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме реабилитации и современного использования депрессивных ландшафтов. Среди таких способов, как конверсия, ревитализация, адаптация авторы видят эстетизацию как возможный подход к реабилитации среды, представляющей историческую ценность, разрабатывают ее теоретические основы и практические приемы проектирования. На основе проведенного анализа современных исследований авторы формулируют критерии оценки и систематизации депрессивных территорий, а также предлагают четыре творческих подхода: метод артефактов, метод интродукции, метод природных аналогий и метод воспроизведения. Разработанная палитра приемов эстетизации опробована в экспериментальном проектировании на кафедре «Ландшафтная архитектура» МАРХИ.

**Ключевые слова:** ревитализация архитектурной среды, эстетизация депрессивных территорий, методы реабилитации ландшафта, депрессивные территории, артефакты среды

**Для цитирования:** Пискарева А.В. Эстетизация как подход к реабилитации депрессивного ландшафта / А.В. Пискарева, В.А. Павлова // Architecture and Modern Information Technologies. 2023. №2(63). С. 218-236. URL:

[https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/14\\_piskareva.pdf](https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/14_piskareva.pdf) DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-218-236

## TOWN PLANNING AND URBAN DESIGN

Original article

**Aestheticization as an approach of rehabilitation  
of depressive landscapes****Anastasia V. Piskareva<sup>1✉</sup>, Vera A. Pavlova<sup>2</sup>**<sup>1,2</sup>Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia<sup>1</sup>nastya\_pisk@mail.ru, <sup>2</sup>pavlova\_marhi@mail.ru

**Abstract.** The article addresses the problem of rehabilitation and modern use of depressed territories. Alongside such methods as conversion, revitalization, adaptation, the authors see aestheticization as a possible approach for restoring of an outdated environment with historical value, and develop its theoretical basis. Based on the analysis of modern research and project practice the article provides the author's criteria for assessment and systematization of depressed territories, and also suggests four design methodologies: the method of artefacts, the method of introduction, the method of natural analogies and the method of reproduction. The developed set of aestheticization techniques was tested in experimental design at the Landscape Architecture Department of the Moscow Architectural Institute.

**Keywords:** revitalization of an architectural environment, aesthetization of depressive territories, landscape rehabilitation methods, depressive territories, artefacts

**For citation:** Piskareva A.V., Pavlova V.A. Aestheticization as an approach of rehabilitation of depressive landscapes. Architecture and Modern Information Technologies, 2023, no.2(63), pp. 218-236. Available at: [https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/14\\_piskareva.pdf](https://marhi.ru/AMIT/2023/2kvart23/PDF/14_piskareva.pdf)  
DOI: 10.24412/1998-4839-2023-2-218-236

Руины древних сооружений, заброшенные здания и ландшафты со следами былой деятельности человека всегда привлекали внимание людей – они навевали грустные мысли о скоротечности жизни, настраивали на философский лад. В XIX веке в садах романтизма устраивались гроты-руины и полуразрушенные башни, в XX веке приобрело ценность промышленное наследие: чугунные конструкции металлургического завода в Дуйсбурге в 1998 году превратились в опоры для вьющихся растений – территория бывшего завода стала парком. Архитектор Рикардо Бофил в 1973 году превратил цементный завод в Барселоне в жилую резиденцию. В XXI веке повсеместно во всем мире бывшие промышленные и коммунальные территории, депрессивные ландшафты стали подвергаться ревитализации с привнесением новых функций. Данное исследование посвящено проблеме эстетизации свидетельств исторического развития места как части общего подхода к его адаптации в новых условиях. В статье эстетизация депрессивного ландшафта (или депрессивной территории) понимается как перспективное направление, позволяющее охватить глубину исторического прочтения места, выявить самостоятельную ценность артефактов прошлого, найти соприкосновение с природой и эмоциональный контакт с человеком. Авторы поставили своей целью разработать практическую методику и представить арсенал архитектурно-ландшафтных средств, раскрывающих эстетизацию как метод реабилитации депрессивного ландшафта.

Депрессивные ландшафты можно обновить радикально: снести старые объекты и освоить территорию заново. В программе по реновации в Москве производится снос обветшавшего жилья с последующим строительством высотных жилых комплексов. При этом утрачивается дух места, преемственность и неразрывность исторического развития территории. Однако при ревитализации депрессивных территорий возможно сохранять элементы аутентичной среды. В парке Хай-Лайн в Нью-Йорке главным элементом являются ржавые рельсы, оставшиеся от проходившей раньше по территории железной дороги.

Выбранный метод исследования предполагает анализ подобных примеров, а также разработку экспериментальной теоретической модели, опробованной в конкретном проектом предложении. Предлагаемые приемы и понятие *эстетизация ландшафта*, которое понимается как способ преобразования депрессивного ландшафта наряду с конверсией и ревитализацией, составляют новизну и практическую ценность исследования. На первом этапе работы потребовалось конкретизировать, что понимается под *депрессивностью ландшафта* или *депрессивностью территории*, а также определить понятие *эстетизация*.

### **Определение, критерии оценки и систематизация депрессивных ландшафтов**

Проблема депрессивных территорий активно поднимается в последнее десятилетие многими авторами. Социально-экономические вопросы их выявления, причины возникновения, классификации и направления реновации поднимаются в работе Е.Б. Веприковой (2020), которая касается задач государственного управления для ликвидации территориальной депрессивности регионов, когда отставание переходит в деградацию [2]. Изучению депрессивных территорий с экологических и градостроительных позиций посвящены работы К.Е. Родяшиной [9], Е.П. Петрашень [7], В.А. Курочкиной [5]. В них выделяются различные характеристики депрессивного ландшафта, такие как

длительное снижение качества среды, наличие заброшенных, разрушенных сооружений, нарушенных или пустующих участков, моральный и физический износ зданий, приводится существующий понятийный аппарат, относящийся к реабилитации деградирующих земель, обосновывается необходимость ревитализации депрессивной среды.

Термин «депрессивность» в понимании упадка и применительно к характеристике среды пришел в архитектуру из экономики и социологии. Еще ранее, в другой плоскости он хорошо был известен в психологии. В любой науке депрессивность приравнивается к деградации, редуцированию, хронической подавленности и угнетенности, т.е. к негативному состоянию. В психологии депрессия – (лат. *depressio* – подавление) – мрачное и безрадостное состояние, психическое расстройство, сопровождаемое снижением мотивации и эмоционально-двигательных процессов. По аналогии, депрессия территории – это фаза глубокого и продолжительного спада активности по сравнению с предшествующим периодом. В архитектуре и градостроительстве термин «депрессивные территории» используется сравнительно недавно. Депрессия в архитектуре – это не только архитектурно-пространственная среда низкого качества, но и состояние физического и морального износа находящихся там объектов архитектуры, прекращение или значительное замедление реализации важнейших для населения процессов социализации и жизнедеятельности (общения, жилья, рекреации, рабочих мест, производства и т.д.) [7]. При утрате возможности сохранить свой исходный функционал и состояние требуется адаптация среды к новым условиям современной реальности. Поэтому проблема реабилитации депрессивных ландшафтов является одной из приоритетных.

Обобщая существующие исследования, можно конкретизировать критериальный аппарат для выявления и оценки депрессивности территории по ее ландшафтно-пространственным особенностям: предложить комплекс индикаторов – характерных признаков, при наличии которых можно выделить элементы депрессивности, а затем по их совокупности территорию считать депрессивной. Индикаторы депрессивности выявляются по различным критериям: визуальному восприятию, с точки зрения пространственной организации, с точки зрения функционального использования, по экологическому состоянию. Также депрессивную территорию важно оценить с точки зрения пригодности к реновации – возможно ли вдохнуть в нее новую жизнь или требуется более радикальный подход: снос и новое строительство (если говорить об архитектурной среде)?

По визуальному восприятию депрессивные территории оцениваются как низкокачественная неблагоустроенная среда (непривлекательная, невыразительная и тяжелая для эмоционального восприятия). В качестве индикаторов депрессивности можно назвать наличие физического и морального износа зданий, отсутствие благоустройства, контраст по отношению к благоустроенным территориям. С точки зрения пространственной организации при депрессивности наблюдается оторванность, изолированность территории, разрыв градостроительных связей. В качестве индикаторов депрессивности выступают: низкая пешеходная доступность и проницаемость, отсутствие транспортной инфраструктуры, изолированность, неблагоприятное соседство, отсутствие точек притяжения. По функциональному использованию депрессивная территория перестает соответствовать нуждам и удовлетворять потребности жителей или же целиком утрачивает ранее назначенные ей функции. Например, закрывается завод или сокращаются неэффективные производственные мощности, жители старых панельных домов переселяются в более современные жилые комплексы и т.п., оставляя территорию и оставшиеся на ней сооружения невостребованными.

Оценку депрессивности территории необходимо давать также в соответствии с ее экологическим состоянием. Депрессивность появляется в связи с действиями человека, который загрязняет и уничтожает природу. Антропогенная деятельность ведет к образованию несанкционированных свалок, химическому загрязнению, вредным выбросам, незаконной вырубке деревьев и т.п. Индикаторами депрессивности здесь можно назвать: эрозию почв, нарушенный ландшафт, загрязнение, утрату биоразнообразия. Необходимо отметить, что в комплекс критериев оценки депрессивных территорий

необходимо ввести оценку целесообразности их ревитализации, которая уместна лишь в том случае, когда она экологически, экономически, функционально и социально оправдана.

Депрессивные ландшафты можно систематизировать по градостроительной роли, по первоначальной функции, по степени негативных изменений. По градостроительной роли (масштабу) можно разделить депрессивные территории на локальные: деталь, фасад, здание, двор; районного значения: владение, квартал; и глобального значения: город, антропогенный ландшафт. По исходной функции депрессивные территории можно разделить на постпромышленные – бывшие промзоны, недействующие заводы, склады; поствоенные – неиспользуемые бункеры, тренировочные полигоны, бывшие стрельбища; коммунальные – старые гаражи, водонапорные башни, градирни и т.д.; транспортные – старые дороги, покинутые железнодорожные пути, эстакады; жилые – устаревшие панельные дома, обветшавшие деревянные избы и др.; общественные – заброшенные школы, больницы; культурные – руины и остатки церквей, усадеб; природные – нарушенные человеком природные ландшафты. На территории могут совмещаться признаки различных исходных функций. Часто это происходит в результате разнопланового использования территории в разные временные периоды. По степени негативных изменений депрессивные территории градуируются от морально устаревших, обветшавших и поврежденных до аварийных и руинированных.

Выявление, оценка и классификация депрессивных ландшафтов помогут определить пути их дальнейшего развития. Это позволит точнее определить и раскрыть общий потенциал места, который в данном случае не зависит от исторической ценности пространств. От типа депрессивного ландшафта и его характеристик зависит подбор методов и необходимой интенсивности реабилитации. Одним из направлений работы с депрессивными территориями можно считать «эстетизацию» свидетельств исторического прошлого.

### **Эстетизация упадка через призму художественных стилей**

Согласно философскому знанию *эстетизация* – это процесс одухотворения и наделяния ценностью реальности, которая происходит сквозь призму определенного художественного стиля [10]. Эстетизация, как и само искусство, – не только способ преображения реальности, но и форма отношения человека к окружающему миру, процесс проекции на него определенных культурных и художественных смыслов, в том числе трагических или уродливых. Эстетизация является средством формирования и трансформации культурной среды, присущим любой эпохе и культуре. Важными становятся ментальные свойства среды, а не только предметно-пространственные характеристики. Аутентичность, дух места, способность к саморазвитию, традиции называются И.А. Статкевич этими свойствами. «Любой фрагмент физического пространства, конкретный «архитектурный» объект понимается как переживаемый человеком чувственно-психологический опыт в процессе взаимодействия с ним» [10].

Эстетизации как способу освоения реальности и культурологическому обоснованию эстетики разрушения, хаоса посвящены работы И.А. Статкевич [10], А.А. Райкина [8], П.Д. Буш [1]. Они исследуют эстетическую привлекательность руин и их включение в современную архитектурную среду. Р. Эттегер [14], Т. Эденсор [13] создали теорию об отождествлении артефактов депрессивной среды с предметами искусства для психологической разгрузки. А.А. Райкин считает, что художественно осмысленная реновация депрессивных ландшафтов является осознанной тенденцией. «Это тенденция к расширению рамок искусства и привнесения в «поле искусства» вещей, ранее к нему не причислявшихся, не оцениваемых с эстетической точки зрения или считавшихся «низкой» областью творчества» [8]. Эта тенденция прослеживается в разных видах искусства: в музыке, литературе, театре. Модеста Мусоргского в 1870-е годы обвиняли в «несценичности» опер «Борис Годунов», «Хованщина» из-за включения «в высокий жанр оперы народной музыки в вызывающе аутентичном виде» [8, с. 147]. Музыкальный авангард использовал шум как музыкальный элемент. Также автор отмечает, что в современном информационном обществе любой артефакт мифологизируется и становится



психологическим и культурным «якорем». Примечательно, что художественная ценность промышленных объектов в эпоху их активного функционирования приравнивалась к нулю, а сейчас они являются «заповедниками» индустриальных пространств и форм.

П.Д. Буш отмечает, что настоящего расцвета почитание эстетики обветшания достигает в эпохи Просвещения и Романтизма. В эти периоды зарождается «культ руин» – отношение к разрушенным сооружениям как к памятникам прошлого, имеющим историческое значение. Кроме того, значительное осмысление получает и архитектурно-эстетическая ценность руин. Выделяется такое качество, как скульптурность руины, приобретаемая посредством энтропии – процесса деструкции, нарушающего привычный симметричный силуэт, ритмичность и классический порядок ордерной архитектуры. Также проявляется философско-медитативная ценность руин, заключающаяся в поэтическом образе разрушающего течения времени, мимолетности жизни [1]. С появлением в XVIII веке английского пейзажного стиля руина превращается в объект созерцания, умиротворяющего, эйфоричного и меланхоличного. В результате увлечения живописно разрушенными постройками в пейзажных парках, как например, в поместье Раушем (Уильям Кент, 1740-е, Англия), возводят гроты, замшелые скалы, каменоломни, водопады (рис. 1).



а)



б)



в)

Рис. 1. Эстетизация руин (романтизм): а) поместье Раушем; б, в) Павловск

В конце XIX – начале XX веков на фоне социально-политической растерянности рубежа веков в искусстве рождается философия декаданса, романтизирующая трагедию, драму и

неудовлетворенность жизнью. Писатели, поэты и художники восхищаются эстетикой увядания и упадка, наполненной мрачными тревожными фантазиями. Характерными чертами декаданса и тёмного романтизма являются символизм и мистицизм, атмосфера утонченной, завораживающей гибели, роковой красоты. Настроения декаданса можно наблюдать до сих пор, например, в современных фотографиях заброшенных объектов, покинутых людьми городов, ржавеющих остовах автомобилей. Фотохудожники восхищаются эстетикой обветшания, публикуя снимки заброшенных мест (рис. 2).



а)



б)



в)

Рис. 2. Эстетизация упадничества (декаданс): а) Эдвард Мунк «Больная»; б, в) фотографии заброшенных поселений

Постмодернизм в своих установках признает равнозначность художественной ценности различных эпох и жизненных явлений [7]. Философски мусор обычно осмысливается как символ упадка современной цивилизации потребления. Элитарная культура XX века инициирует процессы «окультуривания» и эстетизации отходов, введения мусора в контекст искусства, моды, дизайна, архитектуры. С 1950-х годов мусор становится метафорой не только реальности жизни, но и современной культуры и творчества [4]. В 70-е годы дизайнер Вивьен Вествуд сделала всемирно популярными рваные джинсы. Она превращала велосипедные цепи и замки в украшения, став иконой панк-культуры. Но и сейчас в модельном доме Баленсиага есть целый отдел, который артистично пачкает и состаривает вещи. Одним из первых, кто стал использовать мусор как материал для своего творчества, был Курт Швиттерс, основатель «мерц-искусства», что в переводе с немецкого означает «искусство ненужного хлама» [4]. Для своих работ он использовал все, что



попадалось под руку, занимаясь коллекционированием отброшенного скарба. В конце XX века переход к постиндустриальному миру и множество индустриальных невостребованных построек порождает ностальгию по несбывшимся футуристичным устремлениям, наблюдается зарождение субкультуры стим-панк, моды на рваные или вытертые вещи, треш- и джанк-арта, где мусор выступает как соучастник социокультурных процессов (рис. 3).

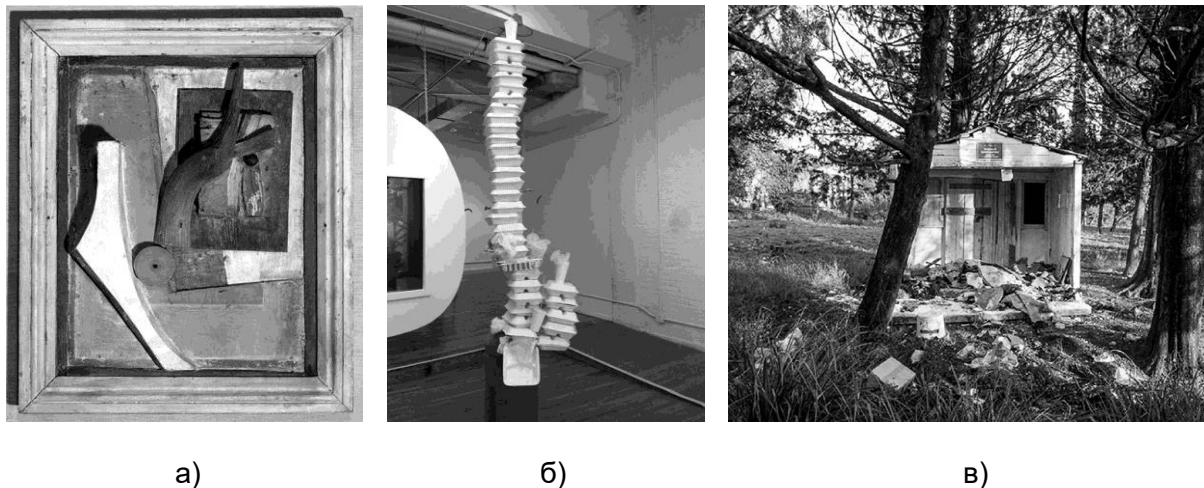
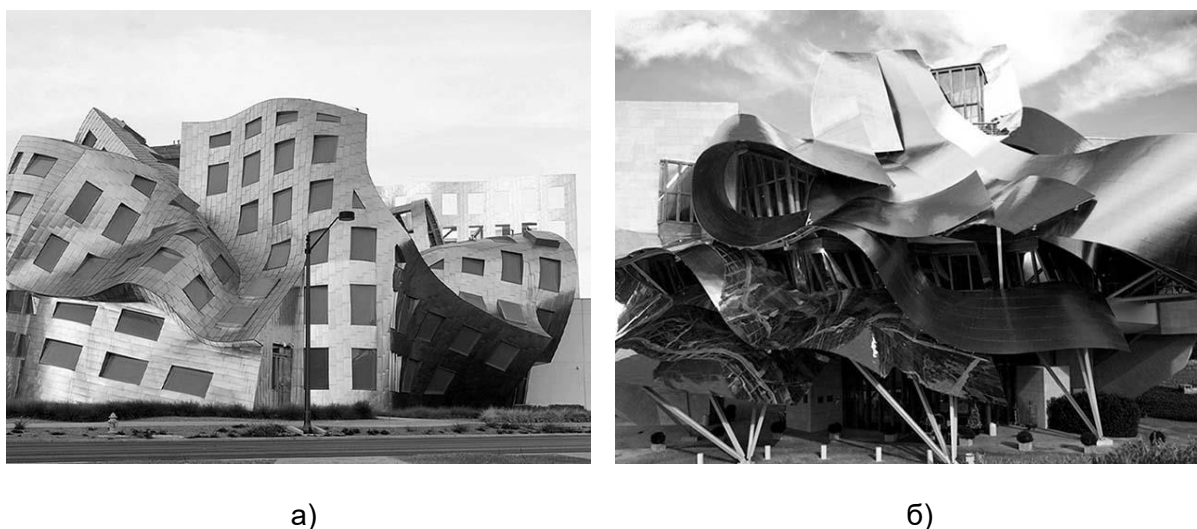


Рис. 3. Эстетизация мусора (постмодерн): а) Курт Швиттерс, коллаж «Relief in relief»; б) Руна Олсен, треш-скульптура «Сила воли»; в) Slava Ptk, арт-объект

В деконструктивизме, сформировавшемся в конце 1980-х годов под воздействием Жака Дерриды, намеренно создаются деформации или разрушение формы. Геометрические нарушения и фрагментация зданий воссоздают визуальный хаос для манифестации конфликта с окружающим миром, как, например, в проекте Даниэля Либескинда крыла Королевского Музея в Онтарио. Деконструкция эстетизирует специально ей же созданные и контролируемые образы разрушения. Такие, как криволинейные «смятые» стены центра лечения заболеваний головного мозга Лу Руво в Лас Вегасе (Ф. Гери, 2010, США) или нагромождение волнообразных титановых лент отеля Marques de Riscal (Ф. Гери, 2006, Испания). А в серии зданий для магазинов BEST (Джеймс Уайнс, 1975–1984, США), созданных архитектурной группой SITE, простые объемы кирпичных коробок визуально «разрушены» отгибом стены, созданием осыпающейся стены, проломов, отколотого угла [11]. Выраженная деконструктивистская эстетика распада и искажения выражает потребность выплескивать хаотические состояния, подавляемые сильные эмоции в слишком упорядоченной жизни современных городов и социума (рис. 4).





в)

Рис. 4. Эстетизация хаоса (деконструктивизм): а) центр Лу Руво; б) отель Marques de Riscal; в) павильон BEST

Приспособление бывших промышленных сооружений для современного использования вырастает из сложившейся тенденции «сохранения исторических ландшафтов, артефактов, относящихся к технологии производства» [8]. Концепция постиндустриального парка как «промышленного заповедника», призывающая к понятию и принятию своего индустриального прошлого, одним из первых была предложена Питером Латцем в 1994 году в проекте парка Дуйсбург-Норд (1990, Германия). Реинтерпретация индустриальных объектов адаптирует их к современной жизни, превращая старую конструкцию в смысловой стержень нового проекта. Архитектурно-ландшафтные приемы реабилитации и концепция проекта исходят из сохранения объемно-пространственных характеристик объекта и желания «зафиксировать» прошлую типологию ландшафта. Например, индустриальные конструкции Газ парка (Р. Хааг, 1975, США) адаптированы под интерактивные парковые площадки, а в Парко Дора (П. Латц, 2004, Италия), разбитом на месте бывшей промзоны в Турине, сохранены бетонные и стальные опоры промышленных цехов. Постиндустриальные парки сейчас стали мировой классикой рекультивации постиндустриальных территорий. Повсеместные проекты активно используют самые разнообразные архитектурно-ландшафтные приемы взаимодействия с промышленной эстетикой (рис. 5).



а)



б)





в)

Рис. 5. Эстетизация индустриального прошлого (постиндустриальные парки):  
а) ландшафтный парк Дуйсбург-Норд; б) Газ парк; в) Парко Дора

### Архитектурно-ландшафтная эстетизация депрессивного ландшафта

Существуют различные подходы к реновации депрессивного ландшафта – от радикального обновления до реставрации. Альтернативный вариант преобразования депрессивной среды – эстетизация методами ландшафтной архитектуры. При этом архитектурно-ландшафтная эстетизация понимается как процесс преобразования, при котором сохраняются фрагменты аутентичной среды для создания идентичности места. Такой метод позволяет адаптировать пространства к современному использованию без потери «духа места», исторической глубины и связей с предшествующими поколениями. При анализе современных проектов, в которых проявляется эстетизация депрессивных территорий, можно выделить четыре основных смысловых подхода или принципа к преобразованию депрессивной среды: *палимпсест* (новое использование), *современное искусство*, *интеграция с ландшафтом* и *психологизм*.

Термин *палимпсест* используется в истории и археологии, он расшифровывается как написание текста на пергаменте поверх ранее написанного и частично удаленного другого текста. Британский исследователь К. Хэзерингтон проводит аналогию с ландшафтом, утверждая, что ландшафт как палимпсест есть многократно переписанный и стертый исторический документ [15]. В отличие от идеи повторного нового использования территории в концепции палимпсест, принцип *современное искусство* предполагает самостоятельную эстетическую ценность депрессивной среды. Артефакты ее можно расценивать как своеобразные предметы искусства, выражающие эстетику увядания. отождествление депрессивной среды с объектом искусства подтверждается исследованиями Р. Эттегер в «теории эстетического созидания»: артефакты выражают эстетические качества посредством материальных неэстетических особенностей: необычных скоплений незнакомых предметов, контраста текстур и материалов [14]. В подходе *интеграция с ландшафтом* артефакты иллюстрируют возвращение человеческого творения в лоно природы, его слияние с ландшафтом на стадии руинирования, умирания, исчезания. В концепции *психологизм* в первую очередь делается акцент на психологическом воздействии артефактов на зрителя. По мнению Т. Эденсора, интерактивное общение с непривычными артефактами усиливает человеческие эмоции и избавляет от сенсорной депривации [13]. Сенсорная депривация в виде притупления постижения пространства органами чувств возникает из-за постоянного нахождения в регламентированной городской среде, где для навигации человек пользуется не физическими инстинктами, а социально-поведенческими шаблонами. Путешествия же по заброшенным объектам обостряют ощущения от взаимодействия с окружающим миром,

выводят из привычной зоны комфорта и порождают первобытные чувства опасности или исследовательского интереса.

Выявленные смысловые подходы или принципы эстетизации легли в основу предлагаемых авторских методов и были продемонстрированы в проекте реабилитации территории бывшей усадьбы Троицкое в Калужской области, построенной Е.Р. Дашковой в 1773 году (рис. 6).

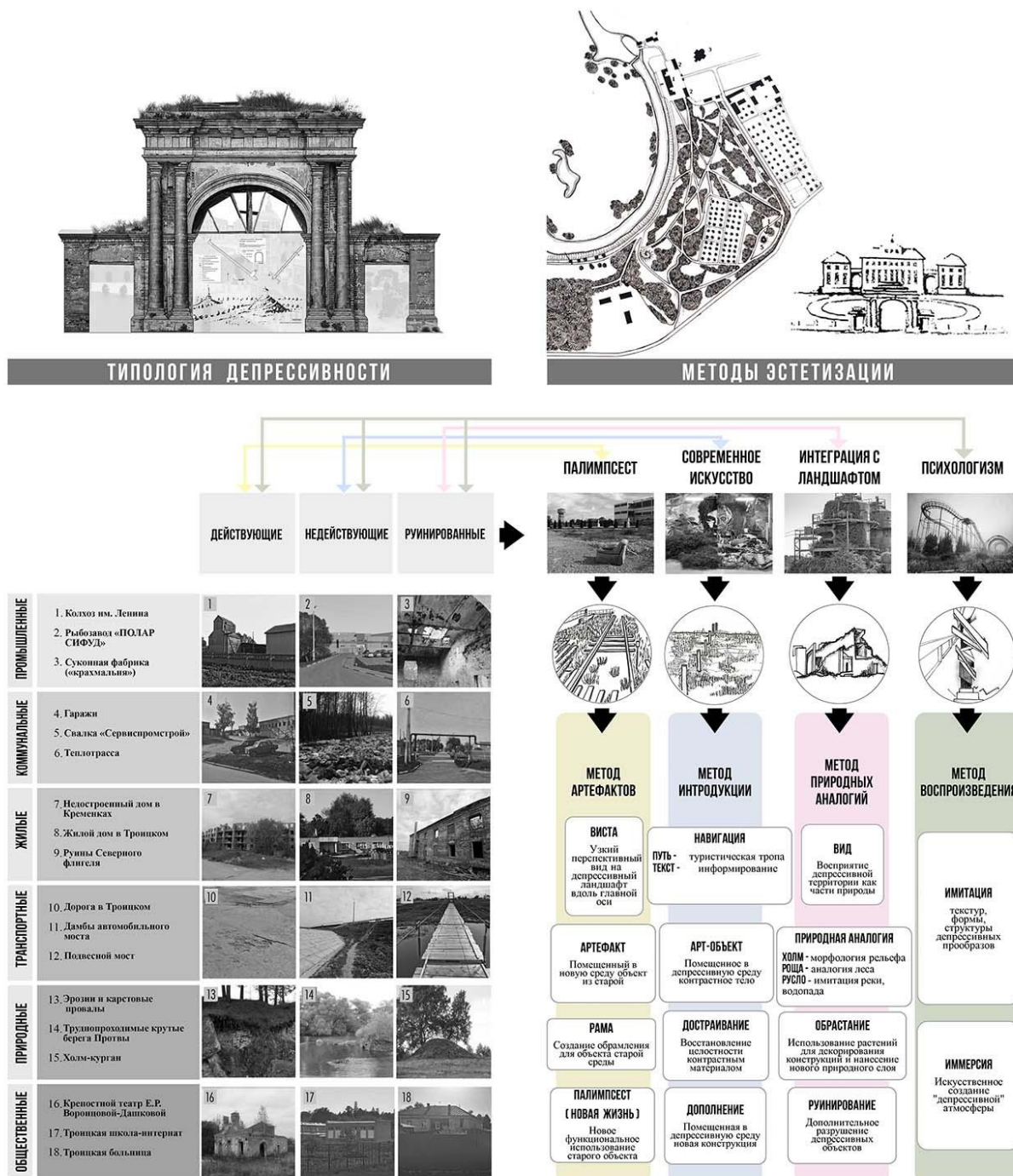


Рис. 6. Методика эстетизации депрессивного ландшафта

**Метод артефактов.** Суть предлагаемого метода выражается девизом «старое в новом», то есть предполагается включение артефактов в обновленную среду. В культурологии артефакт определяется как искусственно созданный носитель социально-культурной

информации и жизненно-смысловых значений. Предлагается понимание артефакта как любого рукотворного объекта в качестве следа деятельности человека. Таким образом, заброшенные объекты, руины, аутентичные элементы, морально-устаревшие строения, структура и форма ландшафта – все ранее описанные явления, встречающиеся в депрессивной среде, можно считать артефактами данной среды. В таком случае одной из основных целей эстетизации депрессивного ландшафта становится эстетизация артефактов этой депрессивной среды как абстрактных носителей ее культурной семантики в изменяемом контексте. Существенным эстетическим фактором здесь выступает «застывшее время», артефакты представляют собой естественно сложившийся музей под открытым небом.

Метод артефактов может быть рассмотрен на примере использования следующих архитектурно-ландшафтных приемов проектирования: «виста», «артефакт», «рама», «новая жизнь» (палимпсест). Виста – это архитектурный прием искусственного регулирования «взгляда» наблюдателя посредством фиксирования точки обзора, создания направленной осевой перспективы, визуальной коррекции или акцентирования отдельных элементов пространства, сценографических и оптических эффектов. Иллюстрациями данного приема могут послужить проекты архитектора Дани Каравана. Например, подсвеченная ось эспланады Шарля-де-Голля (1989–2000, Франция) или «Дорога света» (1987–1988, Южная Корея) [12]. Эстетику «вида» как самоценного произведения искусства зафиксировал в своих работах и Франциско Инфантэ в ландшафтных инсталляциях «Визуальные метафоры бесконечности», «Артифицированные пространства», «Вывернутая перспектива». Этот прием используется в экспериментальном проекте реабилитации усадьбы Троицкое. В соответствии со сложившимся архитектурно-ландшафтным типом русской усадьбы парадный центральный въезд усадьбы Троицкое представлял собой прямую аллею. В проекте утраченная центральная ось усадьбы была продолжена на другой берег и завершена скульптурной гермой (рис. 7).

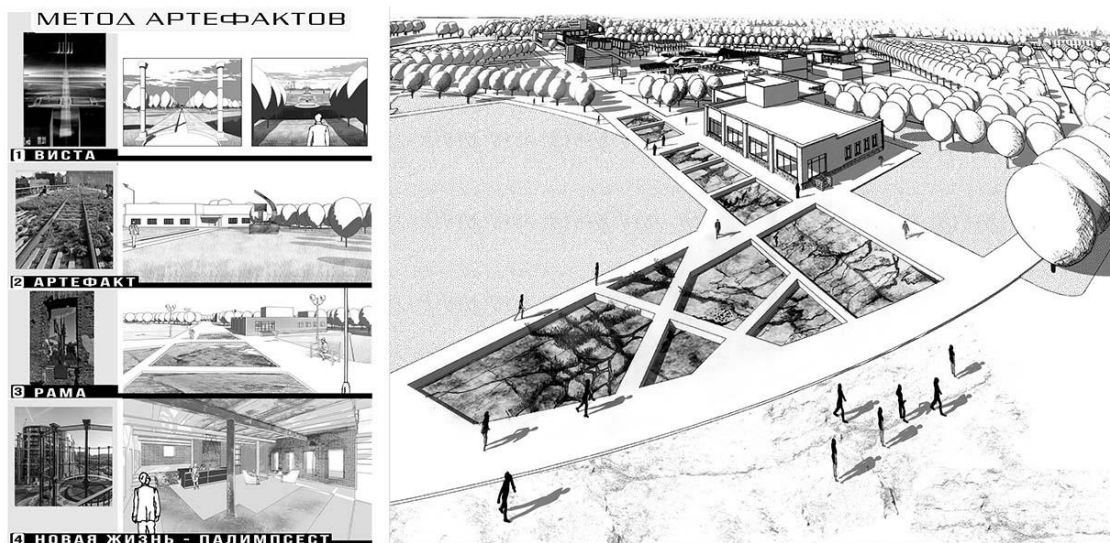


Рис. 7. Метод артефактов: фрагмент старого дорожного покрытия в новой среде

Прием «артефакт» раскрывает суть метода артефактов и является его воплощением. Он заключается в помещении в новую среду объекта из старой среды. Для акцентирования материального артефакта используется прием «рама», смысл которого заключается в создании обрамления для выделения артефакта контрастным материалом. Рама для артефакта может быть стеклянной витриной, нишей, обрамлением плоскости. Целью приема является подчеркивание ценности материальных следов времени для того, чтобы донести зрителю историю о «жизни дороги» или «жизни стены». В проекте в качестве свидетельства прошлой эпохи оставлена скульптура «Серп и молот».



Прием «рама» используется при музеефикации археологических раскопок. Прием «палимпсест» подразумевает новое функциональное применение старого объекта. Артефактом в этом случае будет целиком средовой объект, внутри которого устраивается «новая жизнь». Это в основном относится к бывшим промышленным, коммунальным, военным объектам, которые переоборудуются под новые социальные цели. Примером может послужить жилой комплекс «Газгольдеры Кингс Кросса» (WilkinsonEyre, Bell Phillips Architects, 2009, Англия). Проект преобразил доминанту городского силуэта промышленного района, сохранив ценный символ технологической эры Лондона. Внутри чугунной «сиамской тройни» были встроены цилиндрические разновысотные жилые дома, обыгрывающие былую телескопичность викторианских конструкций.

*Метод интродукции.* Смысловая концепция «современное искусство» предполагает отношение к депрессивной территории как к объекту эстетизации. Этот подход нацелен на подчеркивание своеобразной эстетики разрушения, временных изменений. Для его активации, подчас, достаточно привнесение в среду контрастного объекта-интродуктора, позволяющего создать новый взгляд на привычные вещи. Предлагаемый метод интродукции использует девиз «новое в старом» и представляет собой включение современных деталей, преображающих пространство. Например, в инсталляцию «Цистерна» в галерее «Коллектор», находящейся в подземном коллекторе Москвы, Александр Бродский включил лишь белые трепещущие занавески, развешанные на стенах [4]. Для эстетизации методом интродукции предлагается использовать следующие приемы: «навигация», «арт-объект», «дистраивание» и «дополнение».

Прием «навигация» использует визуальные и текстовые подсказки для привлечения внимания человека, направления его движения. Этот прием можно разделить на два подприема: «путь» и «текст». «Путь» – это прокладка маршрута сквозь депрессивную среду, создание моста, туннеля, перехода, дороги, направляющей движение посетителя. Дорога-туннель визуально может быть оформлена порталами, контрастным материалом, направляющими границами или поднята на опорах, использовать выделяющую подсветку. Например, Дани Караван использовал для моста-пути в проекте «Главная ось» (1980, Франция) яркий красный цвет и прямоугольные рамы. Проект Р. Эттегер и А. Зил «Дань памяти леднику» в Новой Зеландии, призванный привлечь внимание к экологической проблеме таяния ледников, использует прием «путь» как основу для структурирования путешествия сквозь депрессивную атмосферу и создания поступательности эмоционального опыта посетителя. Еще один прием навигации – «текст» – это всевозможные способы информирования посетителя о том, как это место выглядело раньше, какие объекты утрачены, что осталось от них, осуществление подсказок для считывания информации. Последователи движения «подписывание сорняков» уверены, что подписи позволяют взглянуть на непримечательную заурядную растительность по-новому, с большим уважением.

Прием «арт-объект» подразумевает размещение в депрессивной среде контрастного тела – скульптуры, инсталляции. Привнесенные элементы в сочетании с уже существующими посредством игры, коллажности создают новое прочтение депрессивной среды, новое художественное целое. Как и в любом искусстве, здесь присутствует и психологический аспект: арт-объекты не только привлекают внимание зрителя, но и наполняют пространство новыми смыслами. В павильонах-инсталляциях «Windshape» (NArchitects, 2006, Франция) на руинах предместья замка маркиза де Сада паутинообразная конструкция восьмиметровой высоты из пластмассовых трубок и алюминиевых хомутов венчает массивы известняковых стен. Прием «дистраивание» заключается в восстановлении утраченной целостности объекта контрастным материалом. Прием направлен на восстановление утраченных объемов и разрушенных отсутствующих частей исходных объектов, заполнение образовавшихся трещин и лакун. Примером «дистраивания» является флакинг – творческое решение, предложенное французским художником Имемем (Emetem) для ремонта уличных тротуаров. Еще одним приемом интродукции является «дополнение» депрессивной среды новой конструкцией, современным объемом, как,

например, пристраивание к закрытым производственным блокам стеклянных теплиц на фабрике производства джина Bombay Sapphire (Heatherwick Studio, 2014, Англия). В отличие от «достраивания» эти конструкции не связаны с историческим обликом сооружения, а олицетворяют свободу современного продолжения архитектурных форм, интегрированных со старыми конструкциями. В разработанном авторами проекте «путь» проложен от главной площади мимо руинированного флигеля через школу к комплексу на месте бывших оранжерей. «Текст» представлен стеклянной инсталляцией, демонстрирующей, как выглядел раньше главный дом усадьбы (рис. 8).

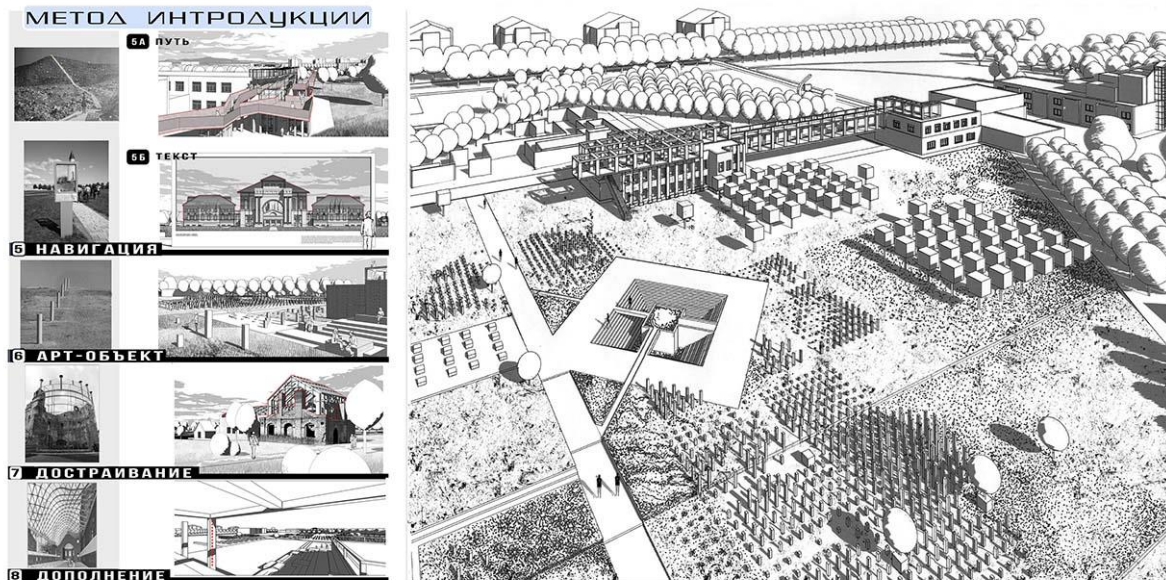


Рис. 8. Метод интродукции: включение новых элементов в старую среду

*Метод природных аналогий* показывает отношение к депрессивным территориям как к природной среде. Руина воспринимается как холм, улица – как русло реки, колонны как стволы деревьев. Умирая, архитектура постепенно все больше возвращается в лоно дикой природы, сливается с ней и исчезает. Подчеркивание связи депрессивной среды с природной является здесь главной творческой установкой. К этому методу можно отнести следующие приемы: «вид», «природная аналогия», «обрастание» (захват природой), «руинирование». Депрессивные ландшафты в приеме «вид» – искусственная природа, стремящаяся стать натуральной. Прием «вид» похож на прием «виста» метода артефактов, но визуальный канал здесь широкий, акцентируется не конкретный элемент, а вся территория, которая воспринимается как «картина», эталонный пейзаж, эстетизирующий следы времени. Целью приема является направить зрителя к восприятию данного пейзажа, погрузить его в панораму визуально дематериализующихся в пространстве артефактов. Примером проекта, использующего данный прием, является заповедник Rainham Marshes (Peter Beard, 2003, Англия) на заброшенной территории бывшего военного объекта в устье Темзы.

Прием «природная аналогия» заключается в ассоциативном воспроизведении природных форм, в превращении депрессивных объектов в изоморфное подобие природных. Объекты в процессе «отмирания» приспособляются к порождающим обстоятельствам места возникновения, «мимикрируют» в природные формы, как бы произрастая из средового контекста. В соответствии с аналогией природным образованиям, прием разделяется на три подприема: «холм», «роща», «русло». Проектом предлагается символическое воссоздание утраченного главного дома усадьбы Дашковой в виде полуподземного музейного комплекса. Дом как бы «ушел под землю», превратившись в холм. На крыше его растут деревья (рис. 9).



Прием «обрастание (захват природой)» заключается в намеренном создании эффекта поглощения архитектуры природой. «Смещение архитектурных элементов и стихийно возникающих зарослей переносит человека в мир антиутопии» [3]. В проекте парка в Дуйсбурге заложена идея поглощения вьющимися растениями конструкций бывшего завода. Таким образом природа берет свое, возвращает творение человека в свое лоно. Прием «руинирование» заключается в дополнительном разрушении депрессивных объектов, усиливая впечатление об их возрасте, создавая имитацию естественных разрушений. Пример «руинирования» – проект восстановления Дома Сабуго (Casa sabugo, Tagarro-de miguel arquitectos, Испания). Торец исторического полуразрушенного объема был полностью обнажен, а внутрь «рваного» проема было встроено гладкое остекление.

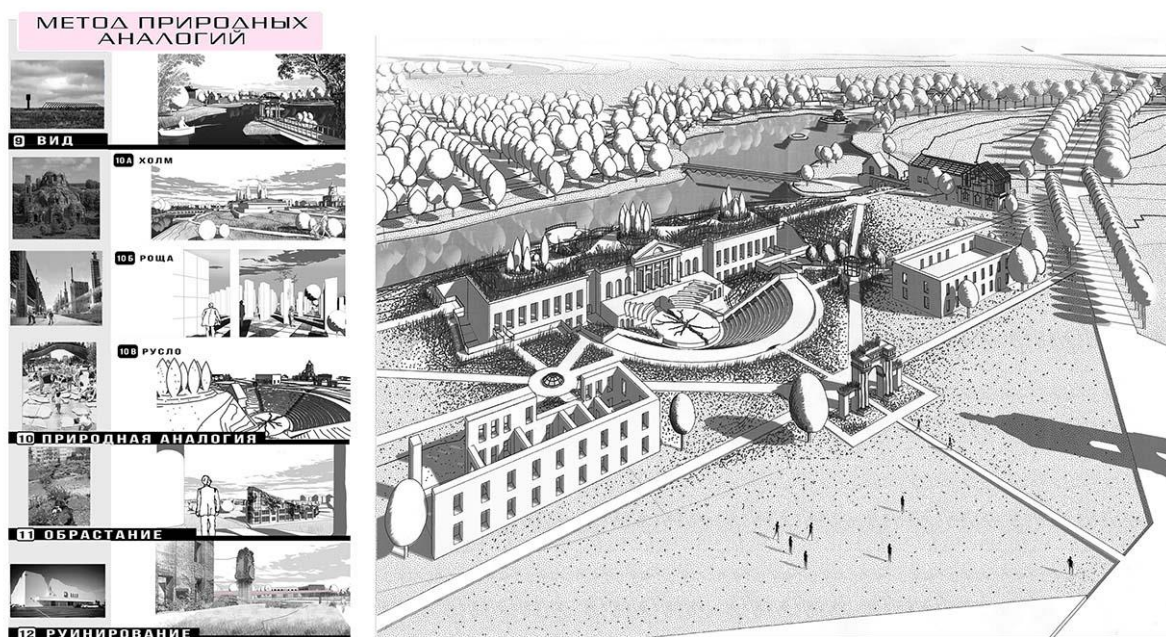


Рис. 9. Метод природных аналогий: символическое воссоздание утраченного главного дома усадьбы в виде холма

*Метод воспроизведения* заключается в намеренном создании искусственных элементов среды, воспринимаемых как депрессивные. Основной целью является проектирование особой атмосферы, которая нарушает обычный порядок и привычную эстетику. Метод может использоваться там, где нужно воссоздать атмосферу хаоса или катастрофы, имеющей отношение к «памяти мета», воспроизвести его историю. К этому методу относятся приемы «имитация» и «иммерсия». Прием «имитация» представляет воспроизведение свойств старых и разрушенных объектов, связанных с историческим развитием территории, создание намеков на ранее существовавшие артефакты. Согласно основополагающему принципу «сломанная вещь как искусство», этот прием намеренно создает сразу разрушенные структуры. Примеры из области ландшафтной скульптуры – дорога камней в саду Шунмио Масуно, имитирующая выбоины и следы шин, а также «Парк-складка» ("L'enfance du pli", Жиль Брюссе, 2017, Швейцария) в виде объемной прямоугольной поляны, изрезанной абстрактными складками, «обугленными» по краям. Сформированная геопластика воспринимается как «разрушенный край ландшафта», символ выжженной земли (рис. 10).





Рис. 10. Метод воспроизведения: искусственные трещины в ландшафте – воссоздание атмосферы войны

Прием «Иммерсия» подразумевает погружение посетителя в особую атмосферу, в смоделированную измененную реальность, и практически может быть реализован оптическими, слуховыми или виртуальными эффектами, моделированием поведения, игрой света, замкнутостью или открытостью пространства и т. д. Основными инструментами здесь выступают нематериальные средства психологического воздействия от создаваемой искусственной атмосферы, а сама архитектура расценивается как театральная декорация. «Иммерсия» может создаваться технологиями «цифровая вода» и «дополненной реальности», которые подразумевают перенос цифрового контента в физический мир в режиме реального времени. Лазерные проекции и интеграция виртуального контента могут использоваться для конструирования нужного образа или цифрового воссоздания утраченных историко-культурных объектов. Один из таких примеров – «архитектурный спиритизм» двойных фасадов «Arch group» (2014, Россия). Для «реставрации» фасадов Московских улиц предлагается использовать стеклянные экраны, с призрачными графическими 3D изображениями памятников архитектуры, уничтоженных за последние несколько десятков лет.

### Выводы и результаты

В настоящее время в архитектуре активно употребляется термин «депрессивные ландшафты». Предлагается депрессивными ландшафтами считать территории с низким качеством пространственного обустройства, отсутствием пространственной связности и инфраструктуры, утратой основной функции или несоответствием функционального использования, а также с признаками экологической деградации. Депрессивные ландшафты или депрессивные территории нарушают целостность облика среды, поэтому проблема их возрождения и адаптации является одной из приоритетных и может быть решена методами ландшафтной архитектуры. Были приведены факторы оценки депрессивных территорий по визуальному восприятию, пространственной организации, функциональным и экологическим признакам, а также целесообразности ревитализации. Для каждого критерия оценки разработаны индикаторы депрессивности – характерные признаки, при наличии которых территорию можно считать депрессивной: наличие заброшенных или разрушенных сооружений, изолированность, низкая проницаемость пространства, утрата прежней функции, очаги загрязнения и пр. Была проведена систематизация депрессивных ландшафтов. Выявление, оценка и классификация подобных территорий направлены на их дальнейшее развитие и реабилитацию.

Эстетизация как процесс одухотворения и наделения ценностью реальности всегда происходит сквозь призму определенного художественного стиля: романтизм, декаданс, постмодерн, деконструктивизм и др. Романтизм восхищается развалинами древности, создает искусственные руины; декаданс романтизирует страдания, наделяет упадок мистическими смыслами; постмодерн актуализирует смену ценностей современного общества и культуры; деконструктивизм намеренно создает «разрушенность» в стремлении к абсолютному отрицанию и свободе; постиндустриальные парки сохраняют историю, «перерабатывая» промышленную архитектуру для нового общественного использования. Выявлены четыре принципа или смысловых подхода к эстетизации депрессивных территорий: «палимпсест», «современное искусство», «интеграция с ландшафтом», «психологизм». В соответствии с данными подходами выделяются четыре архитектурно-ландшафтных метода эстетизации депрессивных территорий: метод артефактов, метод интродукции, метод природных аналогий, метод воспроизведения. Для каждого метода предлагается палитра приемов проектирования. Метод артефактов – старое в новом – заключается в придании значимости элементам старой среды и помещении их в новый контекст. Метод интродукции – новое в старом – заключается в привнесении контрастных новых элементов в существующую среду и позволяет взглянуть на депрессивную территорию как на объект искусства. Метод природных аналогий предполагает соотнесение элементов депрессивного ландшафта с природными аналогами. Метод воспроизведения заключается в намеренном создании новых искусственных элементов депрессивности для трансляции определенного смыслового и художественного образа.

Привлечение широкого круга примеров и апробация в экспериментальном проектировании позволили обосновать методику эстетизации депрессивных территорий и перевести ее из состояния теоретической модели в практическую плоскость архитектурно-ландшафтного проектирования. Реабилитация депрессивного ландшафта происходит за счет актуализации исторической памяти места, создания арт-пространства, привлечения природных ассоциаций и психологической вовлеченности посетителей. Полученная методика позволяет раскрыть новые возможности старых форм с учетом современных функций, проектировать уникальные, эмоционально насыщенные пространства.

### Источники иллюстраций

- Рис. 1–5. Материалы из открытых интернет-ресурсов в обработке А.В. Пискаревой.  
 Рис. 6. Автор А.В. Пискарева, использована реконструкция усадьбы Троицкое И.Ю. Ярового.  
 Рис. 7–10. Автор А.В. Пискарева.

### Список источников

1. Буш П.Д. Интеграция руинированных объектов исторического наследия в современный архитектурный контекст: дис. ... канд. архитектуры: 05.23.20 / Буш Полина Дмитриевна. Москва, 2017. 156 с.
2. Веприкова Е.Б. Подходы к определению территориальной депрессивности в управлении региональным развитием / Е.Б. Веприкова, А.А. Кисленок // Власть и управление на Востоке России. 2020. № 4(93). С. 60-73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-territorialnoy-depressivnosti-v-upravlenii-regionalnym-razvitiem> DOI: 10.22394/1818-4049-2020-93-4-60-73 (дата обращения: 13.09.2021).
3. Каледина А.С. Эстетические факторы влияния заброшенных зданий на человека // Наука, образование и экспериментальное проектирование. Труды МАРХИ: материалы международной научно-практической конференции. Москва: МАРХИ, 2021. 429 с.

4. Кожаринова А.Р. Мусор как продукт культуры: от утилизации к эстетизации // Горизонты гуманитарного знания. 2017. №3. С. 99-30. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/520> DOI: 10.17805/ggz.2017.3.10 (дата обращения: 26.08.2022).
5. Курочкина В.А. Влияние объектов незавершенного строительства и промышленных территорий на геоэкологию городов и развитие депрессивных пространств // Вестник Евразийской науки. 2020. №6, Том 12. С. 1-23. URL: <https://esj.today/PDF/36NZVN620.pdf> DOI: 10.15862/36NZVN620 (дата обращения: 15.10.2021).
6. Муравьева О.И. Средовая идентичность: содержание понятия / О.И. Муравьева, С.А. Литвина, С.А. Богомаз // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148. URL: [http://journals.tsu.ru/psychology/&journal\\_page=archive&id=1349&article\\_id=24802](http://journals.tsu.ru/psychology/&journal_page=archive&id=1349&article_id=24802)
7. Петрашень Е.П. Деструктивные ландшафты в контексте городского общественного пространства. Проблемы реабилитации, адаптации и интеграции / Е.П. Петрашень, В.С. Сперанская, А.О. Кузьмина // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2018. Том 8, выпуск 4. С. 693-714. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2018.410> (дата обращения: 08.10.2021).
8. Райкин А.А. Архитектурно-художественные особенности ревитализации промышленных объектов: дис. ... канд. архитектуры: 17.00.04 / Райкин Андрей Андреевич. Москва, 2016. 167 с.
9. Родяшина К.Е. Депрессивные территории в структуре современного города: понятие, характеристики, классификация // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2017. № 8. С. 106-114. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/depressivnye-territorii-v-strukture-sovremennogo-goroda-ponyatie-harakteristiki-klassifikatsiya> DOI: 10.12737/article\_5968b4512437b5.48251798 (дата обращения: 15.09.2021).
10. Статкевич И.А. Эстетизация как способ освоения реальности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2009. № 3 (15). С. 78–84. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetizatsiya-kak-sposob-osvoeniya-realnosti> (дата обращения: 07.11.2022).
11. Crosbie M.J. Green Architecture. A guide for sustainable design. Washington D.C.: Rockport Publishers, Inc., 1994. 191 p.
12. Dani Karavan / IVAM Institut Valencia d'Art Modern. Valencia, 2002. 337 p.
13. Edensor T. Sensing the Ruin // The Senses and Society. 2007. Vol. 2, №2. P. 217-232. URL: <https://doi.org/10.2752/174589307X203100> (дата обращения: 12.11.2021).
14. Etteger R. Aesthetic creation theory and landscape architecture // Journal of Landscape Architecture. 2016. Vol. 11, №1. P. 80-91. URL: <http://dx.doi.org/10.1080/18626033.2016.1144688> (дата обращения: 12.11.2021).
15. Heatherington, C. Understanding landscape change in a former brownfield site // Landscape Research. 2019. Vol. 44, №1. P. 19-34. URL: <https://doi.org/10.1080/01426397.2017.1374359> (дата обращения: 01.10.2021).
16. Zyl A. Aesthetic Creation Theory applied: A tribute to a glacier // Journal of Landscape Architecture. 2021. Vol. 16, №1. P. 52-63. URL: <https://doi.org/10.1080/18626033.2021.1948193> (дата обращения: 01.10.2021).



## References

1. Bush P.D. *Integraciya ruinirovannyh ob"ektov istoricheskogo naslediya v sovremennyj arhitekturnyj kontekst* [Integration of the ruined objects of the heritage into the modern architectural context. PhD thesis]. Moscow, 2017, 156 p.
2. Veprikova E.B., Kislenok A.A. Approaches to the definition of territorial backwardness in the regional development management. *Power and Administration in the East of Russia*, 2020, no. 4(93), pp. 60-73. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-k-opredeleniyu-territorialnoy-depressivnosti-v-upravlenii-regionalnym-razvitiem>  
DOI 10.22394/1818-4049-2020-93-4-60-73
3. Kaledina A.S. *Esteticheskie faktory vliyaniya zabroshennyh zdaniy na cheloveka* [Aesthetic factors in the influence of abandoned buildings on people. Science, education and experimental design. Proceedings of the Moscow Architectural Institute, materials of the international scientific-practical conference]. Moscow, MARCHI, 2021, 429 p.
4. Kozharinova A.R. *Musor kak produkt kul'tury: ot utilizacii k estetizacii* [Garbage as a product of culture: from recycling to aestheticization]. *Gorizonty gumanitarnogo znaniya*, 2017, no. 3, pp. 99-30. Available at: <http://journals.mosqu.ru/ggz/article/view/520> DOI: [10.17805/ggz.2017.3.10](https://doi.org/10.17805/ggz.2017.3.10)
5. Kurochkina V.A. The impact of long-term construction subjects and industrial areas on the geocology of cities and development of depressed urban spaces. *The Eurasian Scientific Journal*, 2020, no. 6, vol.12, pp. 1-23. Available at: <https://esj.today/PDF/36NZVN620.pdf>  
DOI: 10.15862/36NZVN620
6. Muravyova O.I., Litvina S.A., Bogomaz S.A. Environmental identity: the concept content. *Siberian Journal of Psychology*, 2015, no. 58, pp. 136–148. Available at: [http://journals.tsu.ru/psychology/&journal\\_page=archive&id=1349&article\\_id=24802](http://journals.tsu.ru/psychology/&journal_page=archive&id=1349&article_id=24802)
7. Petrashen E.P., Speranskaya V.S., Kuzmina A.O. Destructive Landscapes in the Context of Public Urban Space: Issues of Rehabilitation, Adaptation and Integration. *Vestnik of Saint Petersburg University*, 2018, Vol. 8, issue 4, pp. 693-714. Available at: <https://doi.org/10.21638/spbu15.2018.410>
8. Raikin A.A. *Arhitekturno-hudozhestvennye osobennosti revitalizacii promyshlennyh ob"ektov* [Architectural and artistic features of the revitalization of industrial objects. PhD thesis]. Moscow, 2016, 167 p.
9. Rodyashina K.E. Depressive territories in the structure of the modern city: concept, characteristics, classification. *Bulletin of BSTU named after V.G. Shukhov*, 2017, no. 8, pp. 106-114. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/depressivnye-territorii-v-strukture-sovremennogo-goroda-ponyatie-harakteristiki-klassifikatsiya>  
DOI: 10.12737/article\_5968b4512437b5.48251798
10. Statkevich I.A. Aesthetization as a way of reality reclaiming. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2009, no. 3(15), pp. 78–84. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/estetizatsiya-kak-sposob-osvoeniya-realnosti>
11. Crosbie M.J. *Green Architecture. A guide for sustainable design*. Washington D.C. Rockport Publishers, Inc., 1994, 191 p.
12. Dani Karavan. *IVAM Institut Valencia d'Art Modern*. Valencia, 2002, 337 p.
13. Edensor T. Sensing the Ruin. *The Senses and Society*, 2007, vol. 2, no. 2, pp. 217-232. Available at: <https://doi.org/10.2752/174589307X203100>

14. Etteger R. Aesthetic creation theory and landscape architecture. Journal of Landscape Architecture, 2016, vol. 11, no.1, pp. 80-91. Available at: <http://dx.doi.org/10.1080/18626033.2016.1144688>
15. Heatherington C. Understanding landscape change in a former brownfield site. Landscape Research, 2019, vol. 44, no. 1, pp. 19-34. Available at: <https://doi.org/10.1080/01426397.2017.1374359>
16. Zyl A. Aesthetic Creation Theory applied: A tribute to a glacier. Journal of Landscape Architecture, 2021, vol. 16, no. 1, pp. 52-63. Available at: <https://doi.org/10.1080/18626033.2021.1948193>

## ОБ АВТОРАХ

### **Пискарева Анастасия Владимировна**

Магистрант, кафедра «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

[nastya\\_pisk@mail.ru](mailto:nastya_pisk@mail.ru)

### **Павлова Вера Александровна**

Кандидат архитектуры, доцент, профессор кафедры «Ландшафтная архитектура», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия

[pavlova\\_marhi@mail.ru](mailto:pavlova_marhi@mail.ru)

## ABOUT THE AUTHORS

### **Piskareva Anastasia V.**

Master of Architecture, Department «Landscape Architecture», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

[nastya\\_pisk@mail.ru](mailto:nastya_pisk@mail.ru)

### **Pavlova Vera A.**

PhD in Architecture, Assistant Professor, Department «Landscape Architecture», Moscow Architectural Institute (State Academy), Moscow, Russia

[pavlova\\_marhi@mail.ru](mailto:pavlova_marhi@mail.ru)